

„Заклинаніе со стрѣлой“ тибетскихъ ламъ.

Заклинаніе это мнѣ пришлось видѣть въ 1889 году въ Кяхтѣ. Оно производилось буддѣйскими ламами: однимъ монгольскимъ, другимъ бурятскимъ, причемъ послѣдній пользовался молитвой, написанной на тибетскомъ языкѣ. Въ виду того, что какъ монгольскіе, такъ и бурятскіе ламы не употребляютъ другихъ книгъ, кромѣ тибетскихъ, хотя монголы пользуются ими въ переводѣ, заклинаніе и слѣдуетъ считать пришедшимъ изъ Тибета.

Заклинаніе со стрѣлой употребляется въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется что-нибудь отыскать, потерянную или пропавшую вещь преимущественно. Оно заключается въ томъ, что лама даетъ кому -нибудь изъ желающихъ стрѣлу и послѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ приготовленій начинаетъ произносить заклинательную молитву. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ стрѣла начинаетъ дрожать въ рукѣ держащаго и затѣмъ увлекаетъ его, помимо воли и сознательнаго участія, туда, гдѣ находится отыскиваемый предметъ. Понятно, существуетъ множество разсказовъ о томъ, какъ были такимъ образомъ найдены затерянные или украденныя вещи, часто очень хитро припрятанныя.

Благодаря любезности торгующаго на Кяхтѣ г. А. Я. Нѣмчинова, мнѣ пришлось видѣть это заклинаніе, и то, что я видѣлъ, поразило меня своей простотой и въ тоже время сложностью.

Изъ двухъ пришедшихъ въ гости ламъ сначала сталъ про-

изводить заклинаніе монгольскій лама, но скоро онъ былъ смѣненъ другимъ, бурятомъ, который производилъ заклинаніе въ томъ же домѣ раньше.

Лама, молодой бурятъ, живой, но въ то же время какъ-то безстрастно спокойный, поставилъ передъ собою небольшой столикъ, спросилъ двѣ свѣчи и два блюдечка. Свѣчи требовались только для освѣщенія стола, а на блюдечки онъ положилъ нѣсколько травъ для куренья. Это все, что было нужно. Иногда на столъ ставятся священные предметы, напримѣръ, хонхо, колокольчикъ, употребляемый ламами при богослуженіи, когда онъ находится въ рукахъ у старшаго ламы—ширетуя—вмѣстѣ съ священнымъ жезломъ. Этотъ жезлъ—вачиръ—иногда дается въ руки вмѣсто стрѣлы, иногда только кладется на столъ. Эти предметы, хотя во время богослуженія они употребляются только старшимъ ламой, находятся нерѣдко у монголовъ въ видѣ священныхъ предметовъ вмѣстѣ съ идолами, молитвенными мельницами и пр. на жертвенныхъ столикахъ, и тотъ маленький колокольчикъ, который я показывалъ на засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества въ 1890 году, былъ купленъ мною въ простой юртѣ. Кромѣ того, на столъ ставятся двѣ или нѣсколько жертвенныхъ чашечекъ. Въ одну изъ нихъ кладутся куренья, въ другую — наливается вино. Зачѣмъ нужно вино, будетъ видно далѣе. Вѣроятно, нерѣдко ставятся и другіе священные предметы, можетъ быть, идолы и пр. Собственно заклинаніе должно производиться по вполне опредѣленнымъ правиламъ, изложеннымъ въ священныхъ книгахъ, гдѣ указаны также и предметы, которые ставятся на столъ. Правила эти, впрочемъ, не соблюдаются вполне строго, и на столъ ставятся то тѣ, то другіе предметы. Притомъ они не необходимы, потому что для заклинанія, которое я описываю, потребовалось только блюдечко для курений, которыя скоро сгорѣли и много разъ молитва читалась уже безъ всякой обстановки.

Приступая къ заклинанію, лама далъ въ руки находившемуся въ комнатѣ монголу стрѣлу, которую заставилъ дер-

жать въ правой рукѣ, какъ держать долото, слѣдовательно, совершенно удобно и крѣпко, предоставивъ положить руку какъ угодно. Монголь прислонилъ предплечье къ столу. Лама подставилъ подъ руку блюдечко съ куреньемъ, дымъ котораго сталъ подниматься къ рукѣ мимо стрѣлы. Впрочемъ, черезъ нѣкоторое время, когда просто стало неловко держать руку надъ блюдечкомъ, лама убралъ его. Словомъ, положеніе руки, также какъ и поза, вполне зависѣли отъ держащаго стрѣлу и были вообще удобны. Впрочемъ, большинство присутствовавшихъ, которыя потомъ держали стрѣлу, не старались избирать положенія достаточно удобнаго, что зависѣло отъ непривычки, отъ чувства нѣкотораго стѣсненія, наконецъ, отъ того, что стрѣлу требовалось поддержать въ теченіе всего нѣсколькихъ минутъ и мысль о возможности утомленія, повидимому, не приходила въ голову тѣмъ, кто садился за столъ.

Усадивъ держащаго стрѣлу, лама досталъ изъ-за пазухи тетрадку съ написанной въ ней по-тибетски молитвой и началъ читать. Онъ читалъ вполголоса, довольно скоро, но совершенно внятно, съ тѣмъ особеннымъ монотоннымъ оттѣнкомъ, который вообще свойственъ чтенію молитвъ. У монголовъ и бурятъ монотонность чтенія молитвъ вообще гораздо больше, чѣмъ у европейцевъ. Она имѣетъ своеобразный оттѣнокъ и по характеру совершенно напоминаетъ чтеніе какого-нибудь деревенскаго мальчугана, котораго пономарь или солдатъ научилъ читать псалтирь. Тотъ же оттѣнокъ носитъ молитва даже произносимая наизусть, такъ что, когда при мнѣ заставили однажды бурята сказать какую-нибудь молитву, онъ тотчасъ заговорилъ нараспѣвъ и монотонно. Но лама не читалъ нараспѣвъ и монотонность его чтенія была гораздо меньше, чѣмъ мнѣ приходилось слышать напримѣръ, въ кумирнѣ во время богослуженія. Для непредубѣжденнаго человѣка его чтеніе не показалось бы даже монотоннымъ, и наиболѣе правильная характеристика того, какъ читалъ лама, на мой взглядъ заключается въ выраженіи: благоговѣйное чтеніе.

Съ тѣмъ же благоговѣніемъ онъ складывалъ время отъ времени ладони, сближая концы пальцевъ, медленно подносили ихъ ко лбу, склоняя голову, и также медленно опускали ихъ опять.

Больше онъ не предпринималъ ничего и только изрѣдка пристально взглядывалъ на стрѣлу, которая оставалась совершенно спокойной. Чтеніе продолжалось около 5 минутъ. Стрѣла осталась неподвижной.

Лама сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и такъ же спокойно смотрѣлъ на окружающихъ. Въ его лицѣ нельзя было прочесть ни малѣйшаго смущенія, какъ будто не онъ произносилъ заклинанія и онъ, казалось, просто ожидалъ, чего отъ него потребуютъ далѣе.

Чтобы не тратить напрасно время, позвали бурята Батму, надъ которымъ заклинаніе уже однажды производилось съ успѣхомъ. Батма, самый обыкновенный бурякъ, если и отличался чѣмъ-нибудь отъ своихъ единоплеменниковъ, то развѣ нѣсколько большей смышленостью и развязностью, которую онъ пріобрѣлъ вслѣдствіе частыхъ сношеній съ русскими, среди которыхъ иногда жилъ по цѣлымъ мѣсяцамъ.

Батма усѣлся такъ же, какъ и его предшественникъ. Его лицо, такъ же какъ и лицо ламы, носило обычное выраженіе. Нельзя было замѣтить никакой перемѣны.

Чтеніе вновь началось. Опять тотъ же тихій речитативъ, то же прикладываніе рукъ ко лбу. Черезъ нѣсколько минутъ чтеніе окончилось. Батма сидѣлъ по прежнему. Не было ничего, по чему можно бы судить о впечатлѣніи, которое сдѣлало на него чтеніе. Можно было отмѣтить только, что выраженіе его лица и поза остались совершенно безъ всякой перемѣны, но эта неподвижность не имѣла въ себѣ ничего характернаго. Повидимому, онъ не желалъ измѣнять свое положеніе, и только.

Окончивъ молитву, лама спросилъ рюмку водки и снова началъ читать, все тѣмъ же тономъ. Затѣмъ онъ помочилъ въ принесенной водкѣ конецъ безымяннаго пальца и движе-

ніемъ шелчка стряхнулъ нѣсколько капель на стрѣлу. Это былъ первый ясный намекъ на то, что наступилъ уже моментъ, когда стрѣла должна бы начать движеніе, котораго впрочемъ, не послѣдовало.

Постепенно чтеніе измѣняло свой характеръ: оставаясь по прежнему тихимъ, оно становилось быстрее и въ то же время утрачивало свою монотонность. По временамъ голоса ламы какъ бы совсѣмъ замиралъ и затѣмъ неожиданно, сравнительно громко, хотя все-таки вполголоса, онъ произносилъ короткое слово: „цокъ!“ и тотчасъ опять продолжалъ читать. Неожиданно произнесенное первый разъ „цокъ!“ заставило вздрогнуть нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ, но Батма отнесся къ нему довольно равнодушно, по крайней мѣрѣ, наружно. Чтеніе продолжалось, становясь все болѣе торопливымъ.

Наконецъ, стрѣла дрогнула.

Лама все читалъ по прежнему быстро, можетъ быть, еще быстрее.

Теперь можно было замѣтить, что Батма не сохраняетъ своего спокойствія. Его лицо выражало удивленіе и испугъ. Онъ не спускалъ глазъ со стрѣлы, которая продолжала вздрагивать и наконецъ воскликнулъ: „пошла!“

Дѣйствительно, его руку какъ будто тянуло впередъ. Но она была уже вытянута совсѣмъ и не могла вытягиваться болѣе; тогда Батма сталъ подниматься со стула. Рука уже не только вздрагивала, но просто билась о столъ.

Лама все продолжалъ свое чтеніе, быстро, насколько это было возможно.

— „Идетъ, идетъ, держите!“ — крикнулъ Батма, рука котораго стала совершать быстрыя колебательныя движенія. Понемногу онъ сталъ уже отходить отъ стола.

— „Ну, теперь все перебьетъ, не удержишь“, — сказалъ кто-то.

Мы всѣ уже стояли на ногахъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ схватилъ Батму, надѣясь удержать его руку, но напрасно. Черезъ нѣсколько времени онъ отказался отъ

чрезвычайныхъ усилій, доходившихъ до боли въ рукахъ, такъ какъ рука Батмы качалась съ очень большой силой.

— „Держите, держите!“—говорилъ Батма, рука котораго съ силой стала биться опять о столъ. Ему, видимо, было больно.

— „Не удержишь, надо убрать вещи“, опять было сдѣлано замѣчаніе.

Еще одинъ изъ присутствовавшихъ сдѣлалъ попытку удержать руку Батмы, но опять напрасно.

Я также подошелъ къ Батмѣ и первоначально взялъ руку съ силой, но тотчасъ убѣдился въ бесполезности прямой борьбы. Сила его движеній много превосходила мою, и стремиться переселить его было бы напраснымъ. Да это было и не нужно. Конечно, не въ этомъ былъ интересъ данной минуты. Было лишь любопытно знать, насколько Батма вообще доступенъ внѣшнему вліянію, обратному тому, которое уже произвело свое дѣйствіе и притомъ поддерживалось невольными замѣчаніями присутствующихъ. Я положилъ свою руку на его, просто, безъ всякихъ усилій, предоставилъ ей прыгать подъ толчками его руки и сказалъ скорѣе присутствующимъ, чѣмъ самому Батмѣ: „сейчасъ онъ перестанетъ“. Движенія, дѣйствительно, стали медленнѣе, но далеко не прекратились. Я повторилъ свое замѣчаніе, но черезъ минуту рука стала двигаться опять съ большой силой. Лама все читалъ. Моя рука продолжала лежать на предплечіи Батмы, и еще черезъ нѣсколько секундъ стрѣла выпала изъ его руки. Почти тотчасъ послѣ того его рука перестала совершать свои движенія, онъ схватился за плечо, заохалъ и убѣжалъ изъ комнаты. Одновременно съ тѣмъ, какъ выпала стрѣла, пересталъ читать и лама.

Опытъ окончился, причемъ Батма остался убѣжденнымъ, что, держа на его рукѣ свою, я читалъ въ то же время свои противоположныя заклинанія, вслѣдствіе которыхъ стрѣла и выпала изъ его рукъ, чего не бываетъ обыкновенно, такъ какъ она почти судорожно охватывается держащими ее пальцами.

Стрѣла могла, конечно, выпасть совершенно случайно, если не была достаточно крѣпко захвачена, могло играть нѣкоторую роль и мое вмѣшательство,—это рѣшить почти невозможно, да и не важно, такъ какъ прекращеніе движеній есть обстоятельство второстепенное.

Главный вопросъ заключается въ томъ, чтб заставило руку начать свои движенія и затѣмъ продолжать ихъ съ такою силой и упорствомъ.

При настоящемъ положеніи знаній естественно можетъ возникнуть вопросъ: Какое отношеніе имѣютъ описанныя явленія къ гипнотизму? Нельзя ли считать рассматриваемое явленіе не только родственнымъ, но тождественнымъ съ явленіями гипнотическими? Не видимъ ли мы здѣсь очевиднаго вліянія цѣлаго ряда косвенныхъ внушеній, которыя играютъ такую важную роль въ гипнотизмѣ?

Я полагаю, что отвѣтъ на эти естественные вопросы обнаружится съ достаточною ясностью уже изъ краткаго анализа описаннаго факта.

Что видимъ мы передъ собой?

Одинъ сидитъ со стрѣлою въ рукахъ, другой читаетъ молитву. Этому не предшествуетъ никакихъ приготовленій. Тѣ небольшія приготовленія, безъ которыхъ можно обойтись, какъ обошелся и нашъ лама, вызываютъ только напоминаніе, или лучше сказать, идею о Высшей Силѣ, но это напоминаніе нисколько не больше того, которое вызовутъ стоящія тутъ же изображенія божества. Видъ колокольчика и чашечекъ слишкомъ привыченъ для буддиста, чтобы этому придавать значеніе. Запахъ куренья ничтоженъ и значить не больше самой курильницы.

Такимъ образомъ, все, что можетъ дать обстановка, заключается въ нѣсколько болѣе, можетъ быть, серьезномъ настроеніи дѣйствующаго лица, но это еще вѣрнѣе и скорѣе вытекаетъ изъ общаго настроенія присутствующихъ.

Остается молитва. По мнѣнію буддистовъ, по крайней мѣрѣ, низшаго класса, именно молитва и двигаетъ стрѣлу. Такого же мнѣнія склонны держаться и русскіе, съ тою

разницею, что въ случаѣ надобности они могутъ допустить и участіе чорта.

Что касается молитвы, то здѣсь могутъ имѣть значеніе, съ одной стороны, слова, съ другой—характеръ чтенія, монотонность звуковъ, неподвижность чтеца.

Слова остались мнѣ неизвѣстными, и пока я еще не имѣю перевода. Относительно чтенія я уже замѣчалъ, что хоть его и можно было назвать монотоннымъ, но эта монотонность не была чрезмѣрной.

Остается еще вліяніе личности ламы. Несомнѣнно, это вліяніе очень велико. Буддисты въ религіозномъ отношеніи совершенно не просвѣщенны и потому суевѣрны и склонны къ мистическому въ чрезвычайной степени. Притомъ, они до крайней степени невѣжественны. Человѣкъ, читающій книги,—рѣдкость, это почти всегда лама; и не удивительно поэтому, что лама даже низшей степени пріобрѣтаетъ уже большое значеніе въ смыслѣ авторитетности въ рѣшеніи всякихъ вопросовъ, особенно выходящихъ за предѣлы обычныхъ житейскихъ потребностей, и всюду, гдѣ человѣкъ встрѣчается съ явленіемъ природы, начиная отъ рожденія до смерти, лама, и только лама, если не сумѣетъ научить человека, все-таки найдетъ соотвѣтствующую молитву или поученія въ своихъ книгахъ. А книгъ великое множество, такъ что они недоступны никакому ламѣ. Къ тому же книги написаны, а не напечатаны и поэтому рѣдки и цѣнны, что внушаетъ уваженіе къ нимъ даже тибетскимъ ученымъ. И чѣмъ меньше начитанъ лама, тѣмъ съ большимъ почитеніемъ относится онъ къ этимъ неизвѣстнымъ ему книгамъ, такъ что самое невѣжество ламы представляетъ моментъ благопріятный для поддержанія слѣпого довѣрія къ нему.

Аффекты заразителны, и благоговѣніе ламы передается его окружающимъ. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается, быть можетъ, больше, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ.

Такимъ образомъ, казалось бы вполне дозволительнымъ слѣдующее разсужденіе.

Держашій стрѣлу находится подъ впечатлѣніемъ, что долж-

но совершиться нѣчто необыкновенное, что стрѣла потянетъ его руку. Лама своимъ чтеніемъ и всею обстановкой ослабляетъ въ немъ воспріимчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніемъ. Монотонные звуки производятъ нѣчто въ-родѣ слабой степени гипнотическаго состоянія. Образуется какъ бы состояніе моноидеизма. Идея, господствующая въ сознаніи, оставшись безъ контроля ассоціацій, переходитъ въ актъ, что ускоряется отрывочными аффектирующими восклицаніями ламы, его брызганіемъ на стрѣлу, его тономъ глубокаго убѣжденія. Слѣдовательно, говоря кратко, лама загипнотизировалъ Батму, и затѣмъ, подъ вліяніемъ внушеній и самовнушеній, Батма замахалъ рукою.

Но при этомъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

Гипнотизмъ есть явленіе опредѣленное. Благодаря разнообразію формъ, въ которыхъ онъ проявляется, и большому количеству фактовъ, которые онъ объединяетъ, правильныя границы этого явленія нерѣдко не узнаются. Гипнотическое вліяніе усматривается чуть не ежеминутно вездѣ, гдѣ есть личное взаимодействіе между людьми. Вслѣдствіе этого гипнотизмъ становится явленіемъ слишкомъ общимъ, обнимающимъ чуть не всю психическую жизнь человѣка.

Въ интересахъ правильной классификаціи явленій и, слѣдовательно, болѣе правильнаго ихъ изученія, такой взглядъ меньше всего заслуживаетъ одобренія.

Гипнотическія явленія суть явленія, производимыя искусственно. Это—непремѣнное условіе ихъ характеристики. Подъ вліяніемъ извѣстныхъ, разнообразныхъ воздѣйствій, человѣкъ приходитъ въ особое стойкое фізіологическое состояніе, характеризующееся съ психической стороны тѣмъ, что психическая дѣятельность загипнотизированныхъ приходитъ въ болѣе или менѣе полное соотвѣтствіе съ внѣшними вліяніями и преимущественно съ вліяніями, исходящими отъ гипнотизирующаго лица.

Слѣдовательно, гипнотизмъ имѣетъ опредѣленныя границы и опредѣленную характеристику. Это—частное явленіе ду-

шевной жизни человѣка, и за нимъ можно сохранять только частное значеніе.

Между тѣмъ, существуетъ общее свойство психической дѣятельности, включающее въ себя отчасти и гипнотическія явленія, съ опредѣленною характеристикой послѣднихъ.

Это общее свойство есть психическій автоматизмъ.

Такъ называется то свойство психической дѣятельности, вслѣдствіе котораго она совершается, въ предѣлахъ опредѣленнаго психическаго механизма, постоянно, пока присутствуетъ достаточно интенсивная жизнь, и притомъ безъ участія какой-либо непосредственно сознаваемой внѣшней или внутренней причины, кромѣ той, которая обуславливаетъ самое существованіе психической жизни.

Всякій разъ, какъ только сознаніе окружающаго нѣсколько ослабѣваетъ, если только это не происходитъ въ связи съ ослабленіемъ психической дѣятельности вообще, какъ это бываетъ, напримѣръ, при извѣстныхъ отравленіяхъ, при засыпаніи, или въ гипнотическомъ состояніи,—такъ выступаетъ съ большею или меньшею ясною психическій автоматизмъ.

Достаточно напоминанія о тѣхъ случаяхъ, извѣстныхъ каждому, гдѣ выступаютъ несомнѣнно ускользнувшіе отъ сознанія и отъ вліянія воли акты, совершенные среди ряда другихъ актовъ, вполне отчетливо сознаваемыхъ. Такъ, напримѣръ, если вы идете по хорошо знакомой дорогѣ, то, задумавшись, легко можете повернуть въ знакомый переулокъ, хотя на этотъ разъ и намѣревались идти совсѣмъ въ другую сторону.

Эти автоматическіе акты обыкновенно зависятъ отъ внутреннихъ причинъ, отъ извѣстныхъ, уже существующихъ ассоціацій. Это есть только проявленіе извѣстной части психическаго содержанія—не болѣе.

Если мы возвратимся теперь къ Батмѣ, то увидимъ, что и онъ началъ совершать рядъ движеній, повинаясь, главнымъ образомъ, не внѣшнему вліянію даннаго момента, а тѣмъ идеямъ, которыя уже были въ его сознаніи раньше. Его убѣж-

деніе, что стрѣла его потащитъ, доходило до слѣпой вѣры. Онъ зналъ, что его рука будетъ качаться и что онъ не въ силахъ будетъ ее остановить. Нуженъ былъ только толчокъ, только ничтожное ослабленіе контроля внѣшнихъ чувствъ, и данная группа ассоціацій вступила въ свои права и дала въ результатъ рядъ движеній Батмы. Толчокъ былъ данъ всей внѣшней обстановкой и чтеніемъ ламы, постоянно поддерживавшимъ идею о движеніи стрѣлы.

Результатомъ обстановки явился аффектъ, который и обусловилъ нѣкоторое пониженіе сознательной дѣятельности вообще, т. е. ослабилъ вліяніе ассоціацій, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ дѣятельностью органовъ чувствъ.

Этотъ аффектъ и былъ главной причиной появленія автоматическихъ актовъ, т.-е. движенія стрѣлы.

На первый взглядъ можетъ показаться, что тѣ же разсужденія сохранять свою силу и съ точки зрѣнія существованія гипнотического состоянія.

Идея Батмы создала движеніе. Это—самовнушеніе.

Аффектъ обусловилъ ослабленіе сознательной дѣятельности: это—гипнотизація.

Но мнѣ кажется болѣе правильнымъ воздержаться отъ напраснаго смѣшенія понятій, хотя и представляющихъ только тонкое различіе, потому что изъ различія понятій, характеризующихъ психическій процессъ, вытекаютъ и различные практическіе выводы.

И дѣйствительно, еслибы гипнотическое состояніе играло главную роль въ этомъ и подобныхъ случаяхъ, то можно бы предполагать, что, съ одной стороны, каждый воспріимчивый къ гипнотическому вліянію человѣкъ не удержалъ бы стрѣлу спокойно; съ другой стороны, человѣкъ невоспріимчивый къ гипнотизированію въ прямомъ смыслѣ этого слова, всегда удержалъ бы ее.

Если же гипнотическое состояніе играетъ здѣсь только случайную, второстепенную роль, чего никакъ нельзя отрицать, такъ какъ появленіе его легко возможно,—то стрѣла можетъ пойти у человѣка очень мало воспріимчиваго къ

гипнотизированію собственно и даже невоспріимчиваго совершенно, если таковой найдется; и наоборотъ, она остается спокойной у многихъ воспріимчивыхъ лицъ.

По отношенію къ заклинанію этотъ вопросъ остается открытымъ и можетъ быть окончательно рѣшенъ только наблюденіемъ, но есть большое количество фактовъ, которые заставляютъ считать болѣе вѣроятной именно послѣднюю возможность. На основаніи тѣхъ же фактовъ необходимо строго отличать внушаемость вообще отъ внушаемости въ гипнотическомъ состояніи и отъ способности къ самовнушеніямъ. Наконецъ, подъ самовнушеніемъ слѣдуетъ разумѣть только сознательныя усилія человѣка создать въ себѣ извѣстное внутреннее состояніе и тѣмъ обусловить извѣстныя дѣйствія.

Тѣ же внутреннія состоянія и сопровождающія ихъ дѣйствія, которыя возникаютъ въ человѣкѣ самостоятельно, какъ естественное слѣдствіе предшествовавшихъ психическихъ процессовъ, не могутъ быть названы ни внушеніемъ, ни самовнушеніемъ. Это—проявленіе психическаго автоматизма.

И гипнотизмъ есть средство для обнаруженія автоматизма психической жизни. Но это средство не единственное и притомъ не всегда вполне дѣйствительное, по самымъ свойствамъ происходящихъ при этомъ физическихъ измѣненій. Это также средство для того, чтобы пользоваться психическимъ автоматизмомъ въ смыслѣ измѣненія психическаго содержанія, но опять только при извѣстныхъ условіяхъ.

Но есть и другія вліянія, усиливающія внушаемость и обусловливающія наступленіе произвольныхъ движеній и дѣйствій, и между этими вліяніями на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить аффективное состояніе человѣка.

Возможно, что гипнотическое состояніе по существу близко къ аффектамъ. Но даже отсюда не будетъ слѣдовать, что аффектъ и гипнотическое состояніе суть понятія тождественныя, хотя бы они и вели къ одинаковому конечному результату, къ яркому проявленію психическаго автоматизма.

Аффектъ есть одно условіе, гипнотическое состояніе—другое. Найдутся и еще условія, какъ напримѣръ, интенсивность отдѣльныхъ ассоціаціонныхъ сочетаній, обыкновенно называемая сосредоточенностью или напряженіемъ вниманія, напряженная дѣятельность отдѣльныхъ органовъ чувствъ. Каждое изъ этихъ условій можетъ вести къ обнаруженію психическаго автоматизма, но каждое изъ нихъ сохраняетъ въ то же время свое самостоятельное значеніе, которое не уменьшается даже тѣмъ, что при соединеніи нѣкоторыхъ изъ этихъ условій ихъ вліянія могутъ суммироваться и даже просто сливаться.

Поэтому я считаю неправильнымъ ставить аффектъ, производимый заклинаніемъ въ зависимость отъ гипнотическаго вліянія и сообщаю объ немъ съ намѣреніемъ обратить вниманіе на явленіе, очень близкое къ гипнотическимъ, происходящее, быть можетъ, при нѣкоторомъ участіи гипнотическаго вліянія, что исключить невозможно, да и не нужно,—но по существу своему не гипнотическое.

Остается еще вопросъ, который мнѣ можетъ быть предложенъ. Именно, стрѣла находить потерянные вещи, что подтверждается многими наблюдателями. Какое значеніе имѣютъ эти утвержденія, и нельзя ли здѣсь искать вліянія мысленнаго внушенія? Этого я не думаю. Впрочемъ, я совершенно не задавался этимъ вопросомъ, потому что рѣшеніе его, требующее чрезвычайной тонкости наблюденій, рѣшительно нельзя было предпринимать въ глубинѣ Азіи, среди чуждаго народа, говорящаго на незнакомомъ языкѣ. Рѣшеніе этого вопроса, въ томъ или другомъ смыслѣ, возможно только при точномъ знаніи обстановки и при возможности измѣнять условія наблюденія по своему желанію.

Ламы практикуютъ не одно только описанное заклинаніе. Ихъ существуетъ много, но большинство изъ нихъ имѣютъ чисто-медицинское примѣненіе, слѣдовательно, обусловливаютъ, если оказываются дѣйствительными, нѣкоторыя внутреннія измѣненія въ организмѣ, о чемъ теперь я совершенно не могу говорить. Упомяну лишь еще объ

одномъ занятіи, о которомъ мнѣ пришлось только слышать и которое ламы практикуютъ въ монастыряхъ: напимѣръ, въ монастырѣ, лежащемъ на дорогѣ между Кяхтой и Ургой. Среди комнаты ставится круглый столъ. Надъ этимъ столомъ вѣшается стрѣла, почти касающаяся его поверхности. Затѣмъ на столъ въ формѣ окружности, имѣющей видъ широкой дорожки, насыпается зола. Ламы садятся вокругъ стола и держатъ его руками. Черезъ нѣсколько времени столъ начинаетъ качаться, причемъ стрѣла задѣваетъ дорожку изъ золы и совершенно отчетливыми тибетскими буквами пишетъ отвѣтъ на поставленный вопросъ.

Самъ я не видѣлъ этого прототипа нашихъ вертящихся столовъ и теперь не буду останавливаться на этомъ, такъ какъ верченіе столовъ уже нашло себѣ достаточное объясненіе.

А. Токарскій.
